

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Большаков Никита Викторович

*Факторы профессионального выбора глухих и слабослышащих учащихся
средних профессиональных учебных заведений*

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук
(PhD)

Научный руководитель:
Доктор социологических наук
Е.Р. Ярская-Смирнова

Москва – 2020

Постановка исследовательской проблемы

Подписание и ратификация Россией в 2012 году Международной конвенции о правах инвалидов, большое внимание в которой уделяется вопросам образования и трудоустройства, способствует пересмотру основных подходов к политике инвалидности, что актуализирует запрос на проведение социологических исследований по ключевым вопросам социальной интеграции. В частности, речь идет о том, что на основании таких исследований необходимо не только моделировать новые комплексные способы поддержки людей с ограниченными возможностями, но и научно обосновывать создание системы, активизирующей потенциал каждого индивида, в том числе, с помощью институтов образования и занятости. Рассмотрение людей с инвалидностью как гомогенной группы, распространенное до сих пор как в социологии, так и в концепциях и мерах социальной политики, приводит к игнорированию потребностей и характеристик отдельных категорий и может накладывать серьезные ограничения на возможности их успешной профессиональной адаптации. Одной из таких групп, требующих отдельного рассмотрения, являются люди с нарушениями слуха, образующие социальную группу, отличающуюся уникальными практиками и особенностями, о которых и пойдет речь в данном исследовании.

На 2015 год фактическая подготовка глухих и слабослышащих велась по 74 специальностям из 333 рекомендованных Министерством труда России¹. Государственная программа «Доступная среда» на 2016–2020 годы впервые включила в себя разделы, посвященные профессиональному образованию людей с нарушениями слуха, в частности, вопросам перевода на жестовый язык и приспособления существующих программ к потребностям и особенностям глухих и слабослышащих. За прошедшие годы произошли положительные изменения в сфере

¹ Приказ Минтруда РФ Об утверждении методических рекомендациях по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности № 515 от 04.08.2014.

профессиональной подготовки глухих, кроме того, в соответствии с принятой программой подразумевается, что в ближайшие годы число доступных профессий должно быть увеличено. Несмотря на это, все еще продолжают существовать системные барьеры в образовании и трудоустройстве, которые преграждают путь абитуриентам с нарушением слуха, снижают их мотивацию и ограничивают профессиональный выбор.

Выбор образовательной траектории не является одинаковым для глухих и слышащих. По состоянию на 2015 год среди людей с инвалидностью по слуху 1403 человека обучались в 68 образовательных организациях среднего профессионального образования и 884 человека в 112 образовательных организациях высшего профессионального образования². В то же время общее число студентов образовательных организаций среднего профессионального образования в России³ составляло 686 тысяч человека, а высших учебных заведений – 4766 тысяч человек. Таким образом, если люди с инвалидностью по слуху в 1,6 раз чаще делают выбор в пользу среднего профессионального образования, то слышащие значимо чаще выбирают траекторию, предполагающую получение высшего образования. Это говорит о высокой популярности среднего профессионального образования среди глухих и слабослышащих и обращает внимание исследователей именно на данную ступень получения образования.

В настоящий момент система специального обучения в России переживает переходный период и трансформируется вследствие принятия нового закона «Об образовании», который вступил в силу 1 сентября 2013 года. В последние годы основные опасения родителей и представителей сообщества глухих были связаны с внедрением системы инклюзивного образования, которая должна была прийти на смену коррекционных школ. С их закрытием были не согласны многие

² Письмо Минобрнауки РФ на запрос Всероссийского общества глухих № 06-1039 от 04.09.2015 г.

³ Бородина Д.Р., Гохберг О.Б. и др. Образование в цифрах: 2017: краткий статистический сборник. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2017.

активисты, в ряде регионов состоялись митинги за сохранение существующей системы образования детей с инвалидностью⁴, и позже от так называемой «насильственной инклюзии» было решено отказаться. На сегодняшний день родители детей с нарушениями слуха имеют возможность выбора между инклюзивной или специализированной школой. Возможность выбора формы обучения характерна и для среднего профессионального образования, однако, процесс реформирования системы специального (ранее – коррекционного) образования еще не завершен.

В условиях нехватки социологических работ в очерченном поле проблемой данного исследования является отсутствие информации о факторах, определяющих на разном уровне профессиональный выбор глухих и слабослышащих. Исследование выполнено в стратегии смешивания методов. Его эмпирическую основу составили результаты всероссийского опроса глухих и слабослышащих учащихся средних профессиональных учебных заведений, а также полуструктурированные интервью с представителями указанной группы и экспертами в области образования и трудоустройства людей с инвалидностью.

Степень разработанности проблемы

Несмотря на то, что понятие профессиональных траекторий и профессионального выбора достаточно активно анализировалось в зарубежной (П. Бурдье, М. Блумер, С. Горард, С. Спайлерман, Ж-Р. Треанон, П. Хадкинсон, Э. Хьюз и др.) и отечественной социологии (Г. Чередниченко, Д. Константиновский,

⁴ Бойцов Д. Государство закрывает коррекционные школы // Глухих.net. URL:

[<http://www.gluxix.net/deafnews/sobitiya/4101-2013-01-14-20-15-51>]

(Дата обращения: 02.10.2018);

Лемуткина М. Чиновники пообещали сохранить спецшколы для детей-инвалидов // Сайт МК. URL: [<http://www.mk.ru/social/2015/11/22/chinovniki-poobeshhali-sokhranit-specshkoly-dlya-deteyinvalidov.html>] (Дата обращения: 2.10.2018);

Рейтер С. Директора школ не смогли договориться с департаментов образования Москвы. // РБК. URL: [[http://top.rbc.ru/society/11/11/2014/5461ba3ccb20f70335f1879#xtor=AL-\[internal_traffic\]--\[rbc.ru\]-\[main_body\]-\[item_5\]](http://top.rbc.ru/society/11/11/2014/5461ba3ccb20f70335f1879#xtor=AL-[internal_traffic]--[rbc.ru]-[main_body]-[item_5])] (Дата обращения: 2.10.2018) и т.д.

В. Шубкин, И. Фрумин, Д. Куракин, Д. Попов, Ю. Тюменева, Ю. Кузьмина и др.), приложение данных теорий к такому специфическому по своим установкам и практикам объекту, как люди с инвалидностью, носило несистемный характер. В трудах психологов, медиков и педагогов можно встретить рассмотрение различных понятий, связанных с выбором профессии людьми с инвалидностью, однако все они носят скорее профориентационную, реабилитационную или дидактическую направленность и не учитывают социальные детерминанты данного процесса

Хотя в западной традиции социальных наук существует отдельное направление – исследования глухоты и сообщества глухих (Deaf Studies), в России люди с нарушениями слуха крайне редко попадали в фокус внимания социологов. В ряде работ, посвященных анализу социальной политики, глухие и слабослышащие рассматриваются в числе других людей с инвалидностью (С. Вайтфилд, Г. Карпова, С. Келли, Э. Наберушкина, П. Романов, В. Собкин, В. Ткаченко, Е. Ярская-Смирнова, В. Шмидт). Непосредственно социологический анализ сообщества глухих и слабослышащих проводят В. Паленный, К. Чупина, М. Ясин и другие авторы. При этом, в представленных исследованиях вопросы профессиональной адаптации людей с инвалидностью либо не рассматривались вообще, либо затрагивались лишь косвенно. Значительно чаще изучению данного вопроса уделяли внимание педагоги и психологи (И. Акименко, В. Базоев, В. Вельгус, А. Гозова, А. Дьячков, С. Зыков, Л. Новоселов, Г. Пенин, И. Цукерман, В. Чулков и др.), однако, все эти работы посвящены скорее разработке нормативной документации и методической организации трудового обучения и профессионального образования глухих и слабослышащих, тогда как социальные аспекты до сих пор оставались за рамками внимания.

Цель и задачи исследования

Цель

Выделить основные факторы, определяющие профессиональный выбор глухих и слабослышащих как внутренне гетерогенной группы с особыми образовательными потребностями и социокультурными характеристиками в современной России.

Задачи

1. Систематизировать теоретико-методологические особенности социологических исследований социальной группы глухих и слабослышащих.
2. Сопоставить традиционные и посттрадиционные подходы к анализу глухоты на теоретическом и эмпирическом уровнях в медицинских, социальных и культурных терминах и применить указанные теоретические модели к концептуализации профессионального выбора глухих и слабослышащих.
3. Выявить особенности исторического развития и современного состояния системы профессиональной подготовки глухих и слабослышащих в России как условий, определяющих профессиональный выбор молодежи.
4. Систематизировать на разных уровнях факторы профессионального выбора глухих и слабослышащих:
 - 4.1. Выделить ключевых агентов и наиболее значимые характеристики выбора профессии глухими и слабослышащими.
 - 4.2. Выявить и проанализировать ожидания молодежи с инвалидностью по слуху относительно ситуации на рынке труда, собственных карьерных перспектив, возможностей трудоустройства, определить роль данных ожиданий как факторов профессионального выбора.
 - 4.3. Оценить характер ожиданий глухих и слабослышащих учащихся относительно той роли, которую играют различные агенты в поддержке трудоустройства и обеспечении независимой жизни людей с инвалидностью по слуху.

- 4.4. Систематизировать виды барьеров в процессе профессионального выбора глухих и слабослышащих, в том числе, на основании восприятия их самими учащимися.

Гипотезы:

1. Социальная модель объяснения инвалидности преодолевает ограничения медицинской и административных моделей в теоретико-методологическом ракурсе и позволяет сформулировать концептуальные и прикладные задачи социальной политики в отношении расширения возможностей профессионального выбора глухой и слабослышащей молодежи.
2. Факторы макроуровня, относящиеся к структурным особенностям системы образования и занятости, нормативно-правовой сфере, являются главными барьерами, сужающими коридор возможностей профессионального выбора глухой и слабослышащей молодежи.
3. Агенты мезоуровня – учебные заведения и службы занятости – будут играть более важную роль при трудоустройстве, чем агенты микроуровня – родители, знакомые.
4. Ключевыми агентами, оказывающими влияние на профессиональный выбор глухих и слабослышащих на микроуровне, являются родители, направляющие ребенка и передающие свой профессиональный статус.
5. Субъективные устремления студентов среднего профессионального образования, имеющих нарушения слуха, структурируют их профессиональный выбор: собственные карьерные перспективы, как и ситуация на рынке труда в целом, оцениваются учащимися скорее негативно.
6. Молодые люди наделяют свой опыт получения профессионального образования и совершения профессионального выбора субъективными смыслами культуры глухоты и аффилиации с сообществом глухих.

Ограничения исследования и специфика условий его проведения

Непрозрачность выстроенной системы статистики инвалидности⁵ в России приводит к отсутствию точной информации о числе глухих и слабослышащих. Результатом этого становится невозможность построения репрезентативной выборки, что стало одним из ключевых ограничений данного исследования. В России статистика отражает количество глухих и слабослышащих, обладающих официальным статусом инвалидности, а данные о людях с инвалидностью зачастую не разделяются по отдельным нозологиям и представляют «людей с инвалидностью» как единую совокупность. Соответственно, отсутствует также полная информация о характеристиках интересующей нас возрастной группы (16-30 лет), что ограничивает возможности обобщений и переноса результатов исследования на всю генеральную совокупность глухой и слабослышащей молодежи России.

Кроме того, необходимо указать, что автор исследования является слышащим, хотя и владеет базовым уровнем жестового языка и интегрирован в сообщество глухих. Исследование носило партисипаторный характер: мы старались не ограничивать глухих и слабослышащих только ролью эмпирического объекта, а наделить их правами со-исследователей⁶, привлекать как к разработке методологии, так и к интерпретации собранных данных. Во многом даже проблема исследования появилась, исходя из потребностей самого сообщества глухих и слабослышащих в России: вопросы профессионального образования широко обсуждаются внутри сообщества, как на уровне межличностного общения, так и на уровне формальных организаций⁷.

⁵ Бурдяк А. Я., Макаринцева А.О. и др. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 248.

⁶ Шуклина Е.А. Партисипаторные исследования: методология, методика, опыт применения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №. 4. С. 19.

⁷ Глухие могут все: трудоустройство без барьеров / ВОГинфо. URL:[<https://www.voginfo.ru/novosti/vestnik-vog/item/3289-glukhie-mogut-vse-trudoustrojstvo-bez-barerov.html>] (Дата обращения: 28.10.2019).

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретическую основу диссертационного исследования составили две ключевых группы теорий: теории, рассматривающие процесс перехода индивида от статуса учащего к статусу занятого в терминах профессионального выбора и профессиональных траекторий, а также теории глухоты, рассматривающие различные подходы к понятию глухота и влияние данных интерпретаций на социальную (и профессиональную) жизнь индивида. Кроме того, в исследовании применялись концепции экосистемного подхода⁸ и уровней образовательной инклюзии⁹.

В рамках первой группы теорий профессиональный выбор (или выбор профессии) изначально трактовался психологами и педагогами как стихийный и индивидуальный процесс, опосредованный личными характеристиками человека, однако с 60-х годов прошлого века понятие профессионального выбора (карьерного выбора, выбора занятости) начинает активно развиваться в русле социологической традиции. Основным интерес к данной теме был связан с тем, что ситуация профессионального выбора имеет значимые последствия для дальнейшего статуса человека в сообществе, его доходов, благосостояния, стиля жизни и т.д.¹⁰.

Первоначальный фокус социологов был смещен в сторону межпоколенческой¹¹ передачи неравенства в рамках социальной структуры, поэтому в работах анализировалось в первую очередь воспроизводство паттернов занятости родителей в трудовых биографиях детей¹². В более поздних исследованиях в анализ включались такие характеристики, как пол, расовая и этническая принадлежность,

⁸ Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. Cambridge: Harvard University Press, 1979.

⁹ Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии. Практическое пособие. Москва: РООИ «Перспектива», 2013.

¹⁰ Brown D. Career choice and development. San Francisco: John Wiley & Sons, 2002. P. 37.

¹¹ Kerckhoff A.C. Social stratification and mobility processes: Interaction between individuals and social structures. // Sociological perspectives on social psychology. Boston: Allyn & Bacon. Pp. 467–496.

¹² Blau, P.M., Duncan O.D. The American occupational structure. New York: Wiley, 1967.

размер сообщества и особенности семьи, а также академические успехи учащихся, влияние значимых других¹³ и иные характеристики. Психологические же исследования середины прошлого века были ориентированы на поиск индивидуальных характеристик, интересов, ценностей и ориентаций, определяющих ситуацию профессионального выбора¹⁴.

Со временем исследователи достигли понимания того, что ситуация профессионального выбора является комплексной и определяется различными процессами и явлениями как на уровне индивида и семьи, так и в обществе в целом. В конце XX века разрыв в аргументации социологов и психологов начал сокращаться, и в то время, как первые стали чаще интересоваться социальным окружением индивида, вторые признали, что определенные индивидуальные особенности человека также определяют его профессиональный выбор и вероятность построения успешной карьеры. Это позволило социологам сместить фокус внимания с вертикальной иерархии на горизонтальную социальную структуру. Более того, теория жизненного пути¹⁵ позволяет утверждать, что профессиональный выбор — это не одномоментное событие или процесс, играющий роль только в ранний период жизни человека. Люди продолжают принимать решения на протяжении всей жизни, однако в данном исследовании нас будет интересовать, в первую очередь, момент профессионального становления человека и его профессиональный выбор в ситуации перехода к статусу взрослого, работающего человека.

¹³ Duncan O.D., Featherman D.L., Duncan B. Socioeconomic background and achievement. New York: Seminar Press, 1972.

¹⁴ См.: Ginzberg E., Ginsburg S.W., Axelrad S., Herma J.L. Occupational choice: An approach to a general theory. New York: Columbia University Press. 1951; Strong E.K. Vocational interests 18 years after college. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955.; Super D.E., Starishevsky R., Matlin N., Jordaan J.P. Career development: Self-concept theory. Princeton. NJ: College Entrance Examination Board, 1963. и др.

¹⁵ Elder G.H., O’Rand A.M. Adult lives in a changing society. // Sociological perspectives on social psychology / ed. by K.S. Cook, G.A. Fine, J.S. House. Boston: Allyn & Bacon, 1995. Pp. 452–475.

Таким образом, одни модели предполагают, что принятие решений о профессиональном выборе – это рациональный процесс, в котором молодые люди оценивают свои собственные способности и интересы, диапазон возможностей, которые им доступны¹⁶. Другие модели подчеркивают ограничения, накладываемые на индивидуальный выбор структурными характеристиками¹⁷. В рамках данного исследования мы интегрируем эти подходы¹⁸ и рассматриваем индивидуальный выбор глухой и слабослышащей молодежи в контексте формирующих его структурных ограничений. В работах выделяются множественные факторы, структурирующие профессиональный выбор, которые могут относиться к микро-, мезо- и макроуровням. Помимо таких индивидуальных характеристик, как пол¹⁹, место проживания²⁰, опыт работы в подростковом возрасте²¹, на профессиональный выбор на макроуровне влияют национальный контекст образования, социальной политики, рынка труда²², а на мезоуровне – организационные особенности внутри школ и различия между школами²³. Влияние семьи определяется не только статусом занятости родителей, как отмечалось раньше, но и может отражаться в двух

¹⁶ Hodkinson P., Sparkes A. C. Careership: A sociological theory of career decision making // *British Journal of Sociology of Education*, 1997. №18(1). P.31.

¹⁷ Roberts K. Career trajectories and the mirage of increased social mobility // *Youth and Inequality* / eds. by I. Bates, G. Riseborough. Buckingham, Open University Press, 1993.

¹⁸ Hodkinson P. Career decision making and the transition from school to work. // *Bourdieu and Education: Acts of Practical Theory* / ed. by Grenfell M., James D. Abingdon: Psychology Press, 1998. Pp. 89–104.

Hodkinson P., Hodkinson H., Sparkes A.C. Triumphs and tears: Young people, markets, and the transition from school to work. Abingdon: Routledge, 2013.

¹⁹ Hamilton L.C., Seyfrit C.L. Resources and hopes in Newfoundland // *Society and Natural Resources*. Vol. 5. Pp. 561–578.

²⁰ Elder G.H., Conger R.D. Children of the land: Adversity and success in rural America. Chicago: University of Chicago Press, 2000.

²¹ Brown D. Career choice and development. San Francisco: John Wiley & Sons, 2002. P. 51.

²² Kerckhoff A.C. Building conceptual and empirical bridges between studies of educational and labor force careers // *Generating social stratification: Toward a new research agenda*. Boulder: Westview Press, 1996. Pp. 37–56.

²³ Lee V.E., Bryk A.S., Smith J.B. The effects of high school organization on teachers and students // *Review of research in education*. 1993. Pp. 171–268.

ключевых направлениях²⁴: через предоставление дополнительных возможностей, например, финансовых, образовательных, информационных, а также через социализацию, передачу различных практик, ценностей. Перспективы профессионального выбора значительно различаются у основного населения и у различных меньшинств²⁵, в том числе, людей с различными формами инвалидности и так называемых «нормотипичных», или *able-bodied*. В то же время, инвалидность в предыдущих исследованиях рассматривалась, как правило, в контексте «здоровья» и/или «реабилитации»²⁶.

В данном исследовании профессиональный выбор глухих и слабослышащих интересовал нас в контексте длительных траекторий профессионального развития, результатом реализации которых он во многом является²⁷. В концепции П. Бурдьё²⁸ индивидуальные траектории «обусловлены социальным происхождением, которое служит их отправной точкой и фиксирует возможную направленность траектории (восходящую, нисходящую и проч.), а также позиции конечного достижения»²⁹. Однако, сегодня, благодаря работам таких исследователей, как М. Блумер, П. Ходкинсон³⁰, Ф. Бюльман³¹, Л. Крокетт³², Г. Элдер³³, Дж. З. Джиле³⁴, А. Лэсли,

²⁴ Schulenberg J.E., Vondracek F.W., Crouter A.C. The influence of the family on vocational development. // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 46. Pp. 129–143.

²⁵ Farkas G., Barton M., Kushner K. White, black, and Hispanic female youths in central city labor markets // *Sociological Quarterly*. Vol. 29. Pp. 605–621.

²⁶ Szymanski E.M., Hershenson D.B. Career development of people with disabilities: An ecological model // *Rehabilitation counseling: Basics and beyond*. ed. by R.M. Parker, J.B. Patterson. Austin: Pro-Ed, 1998. Pp. 327–378.

Strauser D.R. Career development, employment, and disability in rehabilitation: From theory to practice. Berlin; Springer Publishing Company, 2013.

²⁷ Alexander K.L., Entwisle D.R., Horsey C.S. From first grade forward: Early foundations of high school dropout // *Sociology of Education*. Vol. 70, Pp. 87–107.

²⁸ Bourdieu P. *La distinction. Critique social du jugement*. Paris: Minuit, 1979.

²⁹ Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // *Социологический журнал*. 2013. № 3. С. 60.

³⁰ Bloomer M., Hodkinson P. Learning careers: Continuity and change in young people's dispositions to learning // *British Educational Research Journal*. 2000. №. 26(5). Pp. 583–597.

³¹ Bühlmann F. *The corrosion of career? Occupational trajectories of engineers and business economists in Switzerland*. Lausanne: University of Lausanne, 2008.

Х. Крэн³⁵, С. Моншатр³⁶, представления о профессиональной траектории и связанных с ней концептах несколько расширились, и данный термин больше не трактуется однозначно линейно³⁷, а понимается как совокупность шагов, предпринимаемых тем или иным индивидом для реализации своих профессиональных потребностей. Среди основных исследователей профессиональных и образовательных траекторий в России можно выделить Д. Константиновского, Г. Чередниченко³⁸, В. Шубкина³⁹, а также сотрудников Института образования НИУ ВШЭ⁴⁰, реализующих ряд проектов по исследованию образовательных и трудовых траекторий молодежи.

Второе важное направление теорий в рамках исследования составляют теории, анализирующие понятие глухоты. Кардинальный пересмотр взглядов общества на глухоту в течение XX века во многом является результатом борьбы людей с инвалидностью за свои права и за собственную идентичность, а также развития концепции независимой жизни людей с инвалидностью⁴¹, которая понимается как право человека быть неотъемлемой частью жизни общества и принимать активное

-
- ³² Crockett L.J. Agency in the life course: Concepts and processes // Agency, motivation, and the life course. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. Pp. 1–29.
- ³³ Elder G.H. The life course as developmental theory // Child development. 1998. №1(69). Pp. 1–12.
- ³⁴ Giele J.Z., Elder G.H. Methods of life course research: Qualitative and quantitative approaches. New York: Sage Publications, 1998.
- ³⁵ Lesley A., Krahn H. Youth pathways in articulated postsecondary systems // Enrolment and Completion Patterns of Urban Young Women and Men. 1999. №1(29). Pp. 47–82.
- ³⁶ Monchatre S. Dès carrières aux parcours ...en passant par la competence // Sociologie du travail. 2007. No. 49. Pp. 514–530.
- ³⁷ Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 64.
- ³⁸ Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя. Социологическое исследование М.: Институт социологии РАН, 2010.
- ³⁹ Астафьев Я.У., Шубкин В.Н. Социология образования в СССР и России // Мир России. 1996. Т. V. № 3. С. 161–178.
- ⁴⁰ Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Современные образовательные траектории школьников и студентов // Социологические исследования. 2012. №. 2. С. 135–142.
- ⁴¹ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р., Григорьева О.А., Зайцев Д.В., Наберушкина Э.К. Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития. М.: МОНФ, 2007.

участие в социальных, политических и экономических процессах, свобода выбора и доступа к жилым и общественным зданиям, транспорту, средствам коммуникации, страхованию, труду и образованию⁴².

К началу XXI века в социальных науках сформировалось несколько подходов к пониманию глухоты, которые могут быть объединены в несколько параллельно существующих моделей объяснения, которые продуцируются социально-политическим контекстом и по-разному осмысляют глухоту. Ключевой корпус теоретических работ, в которых осмысляется переход от традиционных к посттрадиционным интерпретациям инвалидности, составляют труды В. Финкельштайна⁴³, К. Барнса⁴⁴, М. Оливера⁴⁵, а также авторов, развивавших взгляды на глухоту, как на культурный конструкт: П. Лэдда⁴⁶, Дж. Харриса⁴⁷, П. Хиггинса¹, Т. Хэмпфриса⁴⁸, Г. Лэйн⁴⁹ и других. Среди российских исследователей важно выделить в первую очередь В. Паленного, В. Базоева⁵⁰ и других авторов.

Различия во взглядах на глухоту на протяжении XIX – XXI веков критическим образом определяли и положение глухих и слабослышащих в социальной структуре общества, а также их возможности получения образования и профессии: до недавнего времени в системе российского образования доминирующей оставалась медицинская концепция понимания глухоты, а вся система воспитания детей с нарушениями слуха была направлена не столько на образование, сколько на социализацию, адаптацию глухих к жизни в обществе посредством обучения их

⁴² Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Социальная работа с инвалидами. СПб.: Питер, 2004.

⁴³ Finkelstein V. To deny or not to deny disability // *Physiotherapy*. 1988. № 74(12). Pp. 650–652.

⁴⁴ Barnes C. *Disabled people in Britain and discrimination*. London: Hurst and Co, 1991.

⁴⁵ Oliver M. *The Politics of Disablement: A Sociological Approach*. London: Palgrave Macmillan, 1990.

⁴⁶ Ladd P. *Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood*. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.

⁴⁷ Harris J. *The cultural meaning of deafness: Language, identity and power relations*. Aldershot: Avebury, 1995.

⁴⁸ Padden C.A., Humphries T.L. *Deaf in America: Voices from a Culture*. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

⁴⁹ Lane H.L. *Construction of Deafness // The Disability Studies Reader / ed. by L. J. Davis*. New York: Routledge, 2006. Pp. 79–103.

⁵⁰ Базоев В., Паленный В. *Человек из мира тишины*. Москва: Академкнига, 2002.

устной речи и чтению с губ. Переход российской системы образования на инклюзивную основу является результатом развития социальной модели понимания инвалидности, основанной на представлении о том, что людям с инвалидностью (в том числе, глухим и слабослышащим) для полноценного включения в жизнь общества, необходимо обучаться совместно со всеми остальными детьми.

Изучение профессионального выбора глухих и слабослышащих в качестве ключевого объекта исследования требует также разработки особой методологии анализа. Как правило, предполагается, что глухие и слабослышащие отличаются от слышащих только потерей слуха и специфическими способами коммуникации, а соответственно, исследования данной группы требуют минимальной адаптации метода и инструмента. Очень важной особенностью данной группы является использование глухими и слабослышащими в качестве основного способа общения жестового языка, который не является формой выражения русского языка, а представляет из себя особую лингвистическую систему с собственной грамматикой и лексикой⁵¹. В связи с этим, для глухих, общающихся исключительно на жестовом языке, понимание письменной речи может представлять серьезную трудность⁵², поэтому методологическую основу данного исследования составили также работы, анализирующие способы коммуникации глухих и слабослышащих и их связь с восприятием письменной и устной речи⁵³.

Кроме того, внутри группы глухих и слабослышащих могут быть выделены отдельные подгруппы со своим специфическими чертами и характеристиками.

⁵¹ Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. С. 21.

⁵² Колесников В. К проблеме использования жестового языка в высшем гуманитарном образовании // Инновационные проблемы современного развития дефектологии: материалы Межвузовской научной конференции / под ред. Т.А. Соловьевой. М.: Прометей, 2014. С. 13–16.

⁵³ Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

Гетерогенность сообщества глухих и слабослышащих в России является мало исследуемой темой, что затрудняет получение универсальных выводов о достижениях глухих и слабослышащих в трудоустройстве. Дифференциация данной группы возможна по таким основаниям, как степень и возраст потери слуха, использование кохлеарных имплантов и слуховых аппаратов, других ассистивных технологий, социализация среди слышащих или глухих (в том числе, роль школ и интернатов), владение жестовым языком, навыки чтения с губ, доступность перевода на жестовый язык в обучении и ежедневном общении, принадлежность к определенному социальному классу, пол, возраст и т.д.

Обоснование методов и принципов отбора источников данных

Данное исследование базируется на принципах смешивания методов и включает в себя два последовательных этапа. В ходе количественного опроса была реализована доступная целевая выборка с применением смешанной процедуры отбора респондентов. В качестве точек входа в процессе доступа к респондентам выступала администрация или сотрудники колледжа, сотрудничающие с ВОГ, контакт с которыми был достигнут за счет рассылки официальных писем. Дополнительно респонденты отбирались методом «снежного кома». Общий объем опрошенной совокупности составил 187 человек, обучающихся в учебных заведениях, расположенных в 17 различных населенных пунктах: Москва, Уфа, Казань, Самара, Санкт-Петербург, Пермь, Новая Усмань, Бийск, Кострома, Ставрополь и т.д.⁵⁴.

Отбор информантов для интервью базировался на результатах количественного опроса. Нам было важно достичь разнообразия по таким параметрам, как пол, курс обучения, специальность, город проживания, степень

⁵⁴ Автор исследования благодарит всех коллег, оказавших помощь и поддержку в сборе данных в разных регионах России – Д.Алексиевских, И.Ясавеева, И.Соловьеву, А.Исаеву, В.Колесникова, А.Водолагина, а также представителей администрации и педагогический коллектив отдельных учебных заведений.

потери слуха и владение жестовым языком, что особенно важно в условиях высокой гетерогенности сообщества. Интервью с информантами, проживающими в Москве, проводились в устной-визуальной форме с участием переводчика жестового языка. Интервью с иногородними информантами также проводились в визуальной форме с присутствием переводчика жестового языка с помощью средств видео связи, либо в письменной форме с помощью мессенджеров (Telegram, WhatsApp, Viber). Кроме того, дополнительно были проведены семь экспертных интервью со специалистами в области профессионального образования глухих и слабослышащих из разных сфер: два педагога и переводчика в инклюзивном колледже, педагог дополнительного образования в школе, три сотрудника общественных организаций, а также заведующая отделом в научной организации, занимающейся развитием профессионального образования. Общий объем выборки качественного этапа составил 24 интервью.

Как анкетный опрос, так и интервью были адаптированы для понимания глухими и слабослышащими респондентами. Проблемам адаптации опросных методик посвящен отдельный параграф диссертации, полученный в ходе опроса и интервью опыт был обобщен и формализован для дальнейшего использования.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля

Несмотря на то, что профессиональный выбор молодежи давно изучается российскими и западными исследователями, его трактовки в предыдущих работах носили, как правило, эйблистский характер. Как демонстрируют результаты данного исследования, применение классических подходов определения профессионального выбора к такой группе, как глухие и слабослышащие, ограничено. Данные подходы рассматривают глухоту в медицинском и реабилитационном контексте и не учитывают социальные и культурные основы формирования сообщества, такие как использование в общении жестового языка, общность исторического развития и роль профессионального образования, а также интернатных форм обучения

в формировании сообщества, культура глухих и вовлеченность в сообщество, ориентация на построение спортивной карьеры. В данном исследовании в контексте изучения профессионального выбора была проведена реконструкция существующих в социологии подходов к эмпирическому выделению глухих и слабослышащих в рамках традиционных и посттрадиционных концепций.

Проведение первого всероссийского опроса глухих и слабослышащих учащихся средних профессиональных учебных заведений позволило систематизировать факторы профессионального выбора на разных уровнях. Так на индивидуальном, микроуровне особую роль в профессиональном выборе молодежи с нарушениями слуха играет социальное окружение и желание поддерживать контакты с друзьями, а в ряде случаев особую роль играют также школьные учителя, в то время как роль родителей оказывается ограничена, особенно, если речь идет о родителях, обладающих нарушениями слуха. Результаты исследования на мезо-уровне институций позволяют говорить о необходимости развивать систему школьного образования глухих, партнёрские отношения между школами, колледжами и работодателями, в том числе, с участием профильных общественных организаций, а также устранять сбои в реализации принятых правил внутри колледжей. Наконец, на макроуровне происходит конфликт социальных и медицинских трактовок глухоты (образование и реабилитация), усугубляемый уязвимым положением людей с инвалидностью на рынке труда.

Методическую новизну исследования составляет рассмотрение глухих и слабослышащих в качестве объекта эмпирического социологического исследования с указанием на возможные барьеры входа в поле и анализа группы, а также на способы решения возникающих проблем. Дизайн, структура и методология исследования позволили учесть различные особенности изучения представителей сообщества: благодаря участию экспертов и представителей сообщества тезаурус исследования отредактирован в соответствии со спецификой семантического и контекстуального понимания темы глухими и слабослышащими респондентами,

учтены потребности в профессиональном переводе на жестовый язык, поэтому в основу дизайна исследования заложен принцип партисипаторности – глухие и слабослышащие люди привлекались как к постановке исследовательской проблемы, так и к реализации исследования, а также интерпретации его результатов.

Результаты исследования были представлены как на российских и зарубежных научных конференциях, так и на профильных мероприятиях с участием Всероссийского общества глухих (ВОГ), представителей образовательных организаций среднего профессионального образования и педагогов.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Современные социологические исследования глухоты как подраздел пока становящейся в России научной дисциплины deaf studies и более широкого направления исследований инвалидности развиваются в контексте «глухих эпистемологий», подразумевающих разработку специального инструментария, учитывающего общесодержательные аспекты глухоты как физиологической особенности человека, а также уникальные социокультурные характеристики глухих и слабослышащих. В российской практике происходит адаптация и модификация сложившихся в мировой науке и практике способов критической рефлексии, которые сталкиваются и переплетаются с отечественными традициями, порождая множественность инструментов понимания и измерения. Плюрализм «глухих эпистемологий» указывает на внутреннюю разнородность группы глухих и слабослышащих. В основу этой гетерогенности заложены степень потери слуха, владение жестовым языком, наличие слышащих или глухих родителей, тип школы, опыт проживания в интернате, география проживания. В ряде случаев указанные группы обладают спецификой по выраженности факторов, определяющих профессиональный выбор. Их многообразие в российском контексте складывается в структуру, построенную по двум измерениям: а) микро-, мезо- и макроуровни, б) политика-практика-установки.

2. В советский период работала отлаженная система профессиональной подготовки людей с инвалидностью по слуху, а траектория глухих и слабослышащих людей была встроена в систему воспроизводства рабочего класса. Результатом перехода к рыночным отношениям стала трансформация системы профессиональной подготовки глухих и закрытие большинства учебно-производственных предприятий, что сильно сократило шансы глухой и слабослышащей молодежи на выстраивание последовательной траектории перехода от образования к профессии. Несмотря на это, установка на среднее профессиональное образование до сих пор укоренена в сообществе, в том числе, на уровне ВОГ в то время, как прежний советский опыт не отрефлексирован критически и не воспроизводим в условиях ориентации на международные нормы и имплементации новых институциональных дизайнов.

3. На макроуровне в системе профессионального образования обнаружены внутренние противоречия, обусловленные разнонаправленными дискурсами социальной и медицинской моделей, которые конфликтуют по поводу важных факторов профессионального выбора. Факторы профессионального выбора задаются имманентным конфликтом медицинской модели и социальной модели, опирающейся на принципы концепций независимой жизни и повышения качества жизни людей с инвалидностью. Данный конфликт присущ нормативно-правовому дискурсу, в результате чего политика макроуровня не полностью обеспечивает одно из ведущих прав человека с инвалидностью – на выбор траектории достижения благополучия. Это является причиной крайне низкой оценки возможностей трудоустройства за счет закрытости позиций, требующих высокой квалификации, наличия стереотипов о глухих работниках и дискриминации работников с инвалидностью по слуху, в том числе, в возможностях оплаты труда и карьерного роста.

4. В совершении профессионального выбора глухими и слабослышащими молодыми людьми принимают участие агенты мезо- и микроуровня, причем степень

их участия связана с социокультурными характеристиками учащихся. По данным опроса роль родителей ограничена, при этом для детей из «слышащих» семей родители выступают помощниками и консультантами, но не играют ведущую роль в принятии решения о профессии ребенка. Для детей глухих родителей и проживающих в малых городах роль фасилитаторов в принятии решения берут на себя школьные учителя, которые в ряде случаев доминируют в решении о том, где именно будет продолжать обучение ребенок, в результате чего учащиеся оказываются в ситуации запрограммированного выбора. В свою очередь глухие сверстники и друзья выступают для исследуемой группы молодежи, в особенности, с высокой степенью потери слуха, в качестве главной ролевой модели при совершении профессионального выбора, так как учащиеся стремятся сохранить привычное и комфортное социальное окружение.

5. За счет кумулятивного эффекта разные композиции факторов становятся движущими силами профессионального выбора. Действуя в замкнутом круге, системные лакуны макро- и мезоуровней становятся барьерами, которые ограничивают компетенции молодых людей и минимизируют шансы на оптимизацию ситуации с выбором профессии на микроуровне. Одним из ключевых барьеров становится узкий коридор возможностей на всех этапах построения профессиональной траектории. Информанты говорят о низком уровне школьной подготовки глухих, что в условиях отмены льгот при поступлении снижает шансы получения профессионального образования, о восприятии массовых школ как недоступных за счет отсутствия специальных условий, в т.ч. перевода на жестовый язык. На уровне колледжа барьерами становятся отсутствие системной подготовки педагогов, нежелание и неготовность специалистов работать с глухими и слабослышащими, нехватка переводчиков жестового языка, что заставляет колледжи дополнительно сокращать перечень доступных специальностей, а также отсутствие системной поддержки трудоустройства, в результате чего в решении вопроса о дальнейшем трудоустройстве участвуют агенты микроуровня – родители и

социальное окружение глухого учащегося. На мезоуровне хорошим потенциалом обладают конкурсы профессионального мастерства и общественные организации, помогающие с поиском работы, однако в настоящий момент они не способны в полной мере удовлетворить запрос со стороны выпускников.

6. На индивидуальном уровне глухая и слабослышащая молодежь обладает низкой правовой грамотностью и редко говорит о готовности отстаивать свои интересы, демонстрируя низкую информированность о возможностях получения высшего образования. В целом, глухие и слабослышащие склонны демонстрировать установку на получение среднего профессионального образования, считают данную ступень достаточной для достижения успеха в жизни и не планируют получать высшее. Особенно это характерно для учащихся из семей глухих, проживающих в малых городах. Комплекс специфических установок и представлений о профессии у глухой и слабослышащей молодежи формируется, с одной стороны, в условиях развития общественных институтов, с другой стороны, в контексте культурных особенностей и исторического развития сообщества. Индивидуальные траектории молодежи вписаны в коллективную траекторию глухих и слабослышащих. Так, построение спортивной карьеры становится альтернативой профессиональному образованию.

Структура диссертационной работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. Первая глава посвящена раскрытию понятия глухоты в научном дискурсе, описанию медицинских, социальных и культурных аспектов, определяющих положение глухих и слабослышащих в социальной структуре, а также, анализу статистической информации, отражающей современное положение сообщества глухих в России. Во второй главе проведен анализ развития системы профессионального образования глухих в нашей стране и его последствий для современного состояния институтов образования и занятости глухих, а также рассмотрены теории, объясняющие понятие

«профессионального выбора» и его связь с социальной структурой общества. Третья глава посвящена описанию методологии реализованного исследования: описанию его дизайна с применением стратегии смешивания методов. Кроме того, в данной главе рассмотрены методологические особенности опроса людей с нарушениями слуха, накладывающие ограничения на проведение исследования. Наконец, четвертая глава посвящена непосредственно интерпретации собранного эмпирического материала и анализу опросных данных и интервью с глухими и слабослышащими учащимися колледжей и ПТУ. В данной главе рассмотрены наиболее значимые характеристики выбора профессии глухими, их оценка перспектив трудоустройства, разобран образовательный и профессиональный опыт учащихся, выделены барьеры совершения профессионального выбора, а также отдельные альтернативные стратегии, позволяющие глухой молодежи адаптироваться к неблагоприятным условиям социальной среды.

Общие выводы исследования

Профессиональный выбор глухих и слабослышащих учащихся средних профессиональных учебных заведений понимается комплексно как стихийный и рациональный процесс, опосредованный различными индивидуальными и структурными характеристиками. Представления о профессиональных и карьерных возможностях формируются как объективными структурами мезо- и макроуровней (включая подходы к определению инвалидности, ситуацию в образовании в стране, условия рынка труда и т.д.), так и субъективными взглядами глухих и слабослышащих учащихся.

На уровне политики вплоть до последнего в системе российского образования доминирующей оставалась медицинская концепция понимания глухоты, а вся система воспитания детей с нарушениями слуха была направлена не столько на образование, сколько на социализацию, адаптацию глухих к жизни в обществе посредством обучения их устной речи и чтению с губ. Трансформация социальной

политики в соответствии с принципами концепций независимой жизни и повышения качества жизни людей с инвалидностью, а также переход российской системы образования на курс в направлении инклюзии являются результатом развития социальной модели и говорят о системных сдвигах в подходах к работе с глухими и слабослышащими. Из-за сосуществования медицинского и социального дискурсов на макроуровне политики, система профессионального образования глухих и слабослышащих оказывается регулируемой нормативными актами, логика которых во многом противоречит друг другу. С одной стороны, постулируются равные возможности, с другой – накладываются ограничения. Так барьером к совершению профессионального выбора и построению карьеры становится необходимость получения индивидуальной программы реабилитации или абилитации (ИПРА), выдаваемой бюро медико-социальной экспертизы и определяющей, помимо прочего, индивидуальные ограничения при приеме на работу. За счет этого ИПРА ограничивает возможность выбора профессии наравне с действующим перечнем противопоказаний Минздравсоцразвития, запрещающим работу глухих по ряду направлений.

Политические барьеры проявляются также на мезоуровне конкретных учебных заведений за счет недостаточной проработанности институционализированных правил в учреждениях, что усугубляется низкой правовой грамотностью молодежи на индивидуальном уровне. Глухая и слабослышащая молодежь, как правило, не склонна бороться за свои права, а воспринимает отказ при приеме на работу или ограничения поступления на определенную специальность как естественную трудность. Глухие информанты в регионах России в ряде случаев не знают о том, что у них есть право получать высшее образование и поступать в вуз, либо зная о такой возможности, не рассматривают её, предполагая, что обучение для них будет не доступно.

Анализ глухоты в терминах медицинской и социальной моделей может приводить к игнорированию важных культурных и языковых основ существования

сообщества глухих. В целом сообщество глухих и слабослышащих является достаточно гетерогенным, причем границы между разными подгруппами формируются не только степенью потери слуха, но и различными социально и культурно детерминированными характеристикам. В то же время, на уровне общественного дискурса, в том числе, на уровне законодательства и общественных организаций «глухие и слабослышащие» выступают единой группой. За счет этого большинство выделенных в работе факторов оказывает одинаковое влияние на всех глухих и слабослышащих учащихся средних профессиональных учебных заведений.

На уровне реальных практик характеристиками, позволяющими объяснить в ряде случаев специфику профессионального выбора отдельных групп, могут выступать тип школы, происхождение из слышащей или глухой семьи, место проживания, владение жестовым языком, степень потери слух. Большинство учащихся самостоятельно принимают решение о том, где они будут продолжать обучение и какую профессию получать. Особенно это касается слабослышащих учащихся, которые принимают решение, ориентируясь в первую очередь на свой собственный интерес, так же, как и дети из «слышащих» семей, не владеющие жестовым языком. При поиске работы слабослышащие и дети из «слышащих» семей также чаще остальных категорий планируют выбирать интересную им работу.

Мнение родителей и старших играет важную роль, однако, в отличие от классических теорий профессионального выбора, родители выполняют скорее функцию советчиков и гарантов, а их реальное влияние оказывается ограничено в том числе за счет того, что большинство опрошенных оставались в интернате во время обучения в школе. Родители таких детей поддерживают их, но не вмешиваются в выбор, предполагая, что обучение в колледже, где уже учатся глухие и слабослышащие позволит ребенку гарантированно получить профессию. Исключение составляют только выпускники массовых школ, для которых при совершении профессионального выбора рекомендация родителей оказывается крайне важной.

Реальными агентами, влияющими на профессиональный выбор глухих и слабослышащих, в особенности, тех, кто проживает в Москве и оставался в интернате, становятся глухие сверстники. Такие учащиеся чаще совершают свой выбор в последний момент, «случайно», опираясь при этом на то, куда планирует поступать их социальное окружение. В целом поддержание контактов в момент перехода из школы в систему профессионального образования, ориентация на мнение друзей более важно для учащихся с высокой потерей слуха, окончивших школы для глухих (I вида). Эта же категория значимо чаще говорит о том, что при выборе места работы для них будет важно иметь хороших друзей. Таким образом, профессиональный выбор учащихся во многом мотивирован не рациональными представлениями о будущей профессии, а диспозиционными характеристиками, укорененными в культуру сообщества. Ценностью для них выступает поддержание контактов и коммуникативного окружения, глухие подростки выступают значимыми ролевыми моделями – больше, чем слышащие родители. В то же время, если при совершении профессионального выбора и принятии решения о будущей специальности для глухих и слабослышащих крайне важно было поддерживать свое социальное окружение и учиться вместе с другими глухими, то в контексте будущей занятости ребята не боятся работать вместе со слышащими при условии хорошего отношения со стороны слышащих.

Жители малых городов раньше определяются с выбором профессии и чаще опираются на мнение учителей, так же, как и учащиеся из семей с глухими родителями. Причем, в некоторых случаях, педагоги единолично принимают решение о том, где именно будет продолжать обучение ребенок, а сами информанты воспринимают данную траекторию как единственно возможную, то есть учащиеся попадают в ситуацию запрограммированного выбора, когда на самом деле не принимают никакого решения, а оказываются направляемыми внешними обстоятельствами.

На мезоуровне роль школы в профессиональном выборе проявляется также в сотрудничестве с конкретными колледжами, особенно, в Москве, где подобные партнерства существуют уже несколько десятков лет. Учащиеся, которые указывали данную причину поступления в конкретный колледж, как правило, воспринимали такую траекторию как единственно возможную, то есть, можно говорить о том, что в данной ситуации профессиональный выбор также оказывается не просто ограничен, но направляется школой. Влияние школы на мезоуровне проявляется также в низком качестве школьного образования в специальных учебных заведениях, усугубляемое ограниченными возможностями развития грамотности среди глухих (в силу объективных причин). Эти факторы не позволяют глухим и слабослышащим участвовать во вступительных испытаниях на общих основаниях в условиях отмены льгот при поступлении.

На уровне колледжа учащиеся сталкиваются с целым рядом факторов, сужающих возможности профессионального выбора, основным из которых является тесный коридор возможностей выбора специальности. В ряде случаев выбор ограничивается искусственно из-за стремления колледжей объединить всех глухих учащихся на одном направлении, а также из-за неготовности колледжей работать с данной группой. Проблемами становится нехватка переводчиков жестового языка (или их отсутствие), необходимость специальных условий и отсутствие соответствующих ресурсов у учебного заведения, а также низкий уровень подготовки педагогов. Таким образом, недостатки организации среды и учебного процесса в конкретных учебных заведениях становятся фактором, ограничивающим профессиональный выбор глухих и слабослышащих на мезоуровне.

Глухие и слабослышащие учащиеся, включая тех, кто уже имел опыт работы, отмечали, что получение профессионального образования не является гарантией дальнейшего трудоустройства. Практика устройства на работу людей с инвалидностью характерна для крупных корпораций, однако, предлагаемые позиции предполагают, как правило, ручной труд и не соответствуют получаемому

учащимися образованию. ВОГ играет важную роль в развитии инклюзивного трудоустройства, в том числе, заключая договоренности с потенциальными работодателями из числа крупных ритейлеров, сетей быстрого питания, транспортных компаний, что позволяет в краткосрочной перспективе решить многие проблемы трудоустройства, но в долгосрочной приводит к разрывам между получаемым профессиональным образованием и будущим местом работы. По словам информантов, вопрос трудоустройства сейчас должен решаться индивидуально (на микроуровне), с привлечением неформальных связей. Это видится им в качестве проблемы. В настоящий момент ограничены практики системной институционализированной поддержки трудоустройства глухих на среднем уровне – через колледж или другие организации, за исключением нескольких частных инициатив, которые не способны удовлетворить растущий запрос. На макроуровне таким инструментом выступают конкурсы профессионального мастерства, которые называются эффективными как экспертами, так и самими учащимися с инвалидностью, однако, выполняют скорее селективную функцию, позволяют получить работу только наиболее подготовленным и талантливым ребятам, что не решает проблему массового трудоустройства выпускников по окончании учебных заведений.

В качестве факторов профессионального выбора молодежи с нарушениями слуха выделяются также установки, появляющиеся на всех трех уровнях. На макроуровне в качестве таких установок выступают стереотипы работодателей о профессиональной пригодности глухих и слабослышащих и, как результат, дискриминация глухих работников по уровню оплаты труда и по возможностям карьерного роста.

В СССР люди с инвалидностью по слуху были встроены в систему профессиональной подготовки и занятости. Системные трансформации конца XX века привели к закрытию большинства учебно-производственных предприятий, что сильно сократило шансы глухой и слабослышащей молодежи на выстраивание

последовательной траектории перехода от образования к профессии. Несмотря на это, сегодня внутри сообщества, в том числе, на уровне ВОГ, остается сильной установка на получение профессионального образования глухими. По результатам исследования, стратегия получения среднего профессионального образования является основной для молодежи с нарушениями слуха, а решение о поступлении носит, как правило, заранее определенный характер, особенно, среди учащихся из малых городов.

Трудоустройство рассматривается глухими и слабослышащими как основная траектория по окончании колледжа. Для абсолютного большинства учащихся глухих среднее профессиональное образование становится финальной стадией перед выходом на рынок труда, тогда как слышащие сверстники чаще рассматривают среднее профессиональное образование как транзитную стадию на пути к получению другой ступени. Сама система среднего профессионального образования во многом ориентирована на последующее поступление выпускников в вузы, что не актуально для глухих, которые воспринимают среднее профессиональное образование как достаточное для достижения жизненного успеха.

Альтернативой получению профессии выступает построение спортивной карьеры, что, во-первых, укоренено в культуру глухих, а во-вторых, воспринимается молодежью как возможность заработать легкие деньги и достичь высоких статусных позиций внутри сообщества, в результате чего данный тип карьеры выступает ресурсом социального сплочения глухой молодежи, тогда как профессиональное образование не дает такой возможности. Вообще, ориентация на поддержание собственной включенности в сообщество глухих, в том числе, посредством жестового языка, выступает одним из факторов профессионального становления: быть внутри сообщества оказывается важнее, чем построить профессиональную карьеру вне сообщества. Система профессионального образования в настоящий момент не учитывает социальные и культурные контексты развития сообщества

глухих, хотя среди учащихся есть и те, для кого принципиальным является выйти за рамки группы, но в настоящий момент они в меньшинстве.

Развитие инклюзивного образования позволит решить часть из указанных проблем, однако, для формирования эффективных институтов профессиональной адаптации глухих необходима разработка комплексных программ, учитывающих не только законодательную базу, но и конкретные условия реализации изменений на местах, а также потребности самих учащихся. В настоящий момент наблюдается слабая юридическая регламентация профессионального образования людей с инвалидностью, особенно в условиях массового стимулирования инклюзивного образования и перемещения основного фокуса внимания на школьную ступень обучения. Инклюзивное образование не является достаточным условием интеграции глухих и слабослышащих, но оно необходимо, чтобы глухие могли лучше ориентироваться в мире слышащих. Кроме того, необходима системная поддержка инклюзивного трудоустройства, ключевая роль в котором должна принадлежать государству, например, через создание системы учебно-производственных предприятий, специализированных ресурсных центров помощи в трудоустройстве на базе образовательных институций. В то же время, создание специальных ниш на рынке труда для глухих, потребовало бы обращения к специальному образованию, которое в подобной системе играет ключевую роль в жизненном устройстве, благополучии, достижении социального положения молодежью с глухотой, что демонстрирует ограничения применения социальной модели.

Несмотря на внутреннюю вариативность выборки исследования, были выявлены паттерны, которые открывают возможности более глубокого понимания социальных аспектов профессионального выбора глухими и слабослышащими как единой группы. Мы ставили перед собой цель выявить и систематизировать различные факторы, которые обуславливают указанную гетерогенность, а также определяют карьерные стратегии глухих и слабослышащих юношей и девушек, их возможные эффекты, но признаем, что часть из полученных в ходе данного

исследования выводов требует дополнительной проверки, в том числе по причине невозможности построения репрезентативной выборки. Ограничением исследования является также затруднительность получения статистически значимых выводов о различиях в стратегиях и факторах отдельных подгрупп.

Список публикаций автора диссертации

- Большаков Н.В. От девиации к идентичности: трансформация научных подходов к пониманию глухоты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2 (85). С. 160–174.
- Большаков Н.В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 154–165.
- Большаков Н.В. Сочетать, комбинировать, смешивать: качественные и количественные методы в современной исследовательской практике // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. Т. 139. № 3. С. 21–29.
- Большаков Н.В., Астахова Н.В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–66.
- Bolshakov N., Berg-Nordlie M. The Critical Movement Against the 2010–2012 Education Reform in Russia: Networks, Organisations and Parties // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70. No. 4. Pp. 666–684.

- Большаков Н.В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 571–584.
- Большаков Н.В., Колесников В.В. Опрос глухих в социологическом исследовании: когнитивные и коммуникативные аспекты // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. Т. 49. С. 57–83.

Публикации в методических пособиях

- Ярская-Смирнова Е. Р., Большаков Н. В. Модели понимания инвалидности // Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2018. С. 11–21.
- Большаков Н. В. Введение в Deafhood // Музей ощущений: глухие и слабослышащие посетители. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 36–43.
- Большаков Н. В. Модели культурного потребления сообщества глухих // Музей ощущений: глухие и слабослышащие посетители. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 61–66.